

Наталия Коптева

КОНЦЕПЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НЕУВЕРЕННОСТИ–УВЕРЕННОСТИ Р. ЛЭЙНГА¹

Аннотация. Представлена реконструкция концепции онтологической неуверенности–уверенности британского психолога, феноменолога Р. Лэйнга, в единой логике связывающей: переживание собственного бытия-в-мире, составляющих его элементов (Я и Не-Я), конкретный спектр соответствующих переживаний и испытываемые в связи с ними специфические тревоги. Сердцевиной онтологической неуверенности (уверенности) является невоплощенность (воплощенность) ментального Я в теле.

Ключевые слова: концепция онтологической неуверенности–уверенности Р. Лэйнга, бытие в мире и его элементы, воплощенное, невоплощенное (в теле) Я, ложное Я, формирование онтологической неуверенности.

Annotation. Author modernizes the conception of ontological insecurity–security of the British psychologist and phenomenologist R. Laing, in which existence-in-the-world and its elements (self and Non-self), range of relevant feelings and specific anxieties are connected into one consistent approach. The core of ontological insecurity (security) is unembodied (embodied) self.

Keywords: R. Laing's conception of ontological insecurity–security, existence-in-the-world and its elements, unembodied (embodied) self, false self formation of ontological insecurity.

Р. Лэйнг –
основатель
движения
«антипсихиатрии»

Р. Лэйнг – психолог, психиатр, один из организаторов движения «антипсихиатрии». В научном мире получил признание, прежде всего, как автор книги «Расколотое Я», в которой представлена его концепция онтологической неуверенности шизоидов и шизофреников. В период с 1995 г. в нашей стране вышли переводы нескольких книг Р. Лэйнга² [1], но он по-прежнему почти неизвестен отечественным психологам. Среди исследований, которые хотя бы обзорно обращаются к его творчеству, нужно в первую очередь назвать фундаментальный труд А. М. Руткевича «От Фрейда к Хайдеггеру», изданный четверть века назад [2], а также

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 10–06–82–607а/У.

² Существует несколько вариантов перевода фамилии на русский язык: книги автора публиковались под именами Лэнг, Лэйнг (второй вариант более распространен), встречается также написание Лайнг.

текстуально совпадающую с соответствующим разделом книги статью «Экзистенциальный психоанализ в Англии» [3]. Современная литература, затрагивающая вопросы, относящиеся к деятельности и научным исследованиям Р. Лэйнга, очень разноплановая [4]. Перечисленные работы объединяет то, что в них концепция онтологической неуверенности не является предметом специального исследования, которого она, безусловно, заслуживает.

Понимание человека
через полюса
онтологической
уверенности–
неуверенности

Подход Р. Лэйнга к шизофрении имеет непосредственное отношение к так называемым «обычным» людям не только потому, что автор обозначает также противоположный полюс онтологической уверенности. По его собственному свидетельству «очевидно, что обсуждаемое здесь нами с клинической точки зрения является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привнести лишь частичное понимание» [5, с. 35]. Изучение патологии является одним из основных способов прояснения того, что представляет собой норма. Р. Лэйнг цитирует слова Гарри Салливана, о том, что психически больной намного больше, чем кто-либо другой, «просто человек», по смыслу близкие к знаменитой метафоре З. Фрейда, который сравнивает психически больных людей с расколотыми кристаллами, обнаруживающими кристаллическую решетку, невидимую в обычном состоянии относительного психического здоровья. Напрашиваются и другие аналогии с З. Фрейдом. Название книги, посвященной онтологической неуверенности, можно понять как намек на приведенное сравнение З. Фрейда. А. Фенько считает, что блестящее описание внутреннего мира душевнобольных Р. Лэйнгом в «Разделенном Я»³ по уровню понимания природы шизофрении сопоставимо с фрейдовской теорией истерии [6]. Концепцию З. Фрейда часто называют образцом теоретического построения, нам представляется, что и Р. Лэйнга как теоретика отличает безупречная логика. Такое мнение может показаться странным, поскольку сам он в книге, о которой идет речь, по сути, отказался от создания теории. Р. Лэйнг считает З. Фрейда великим психопатологом, который сошел в «преисподнюю» душевных болезней, вооружившись теорией, как головой Медузы, превратившей обитавшие там ужасы в

³ На русском языке книга вышла под названием «Расколотое Я».

камень⁴. «Мы, следующие за Фрейдом, обладаем знанием, с которым он возвратился и передал нам. Он выжил. Мы должны увидеть, сможем ли мы выжить, не пользуясь теорией, которая в некоторой степени является оборонительным оружием» [7]. Р. Лэйнг ставит чисто описательную задачу и обращается преимущественно к феноменологии пациентов, сведя к минимуму обсуждение теоретических вопросов. Тем не менее, теории избежать не удастся, мало того, как нам представляется, концепция онтологической неуверенности, соответствует классическим канонам построения теории⁵: в ее основании лежит выделенная автором абстракция, «разворот» которой позволяет проследить разнообразие порождаемых ею фактов и феноменов. Однако теория в книге преимущественно представлена скрытым течением мысли, организующей клинический материал, и лишь временами при обсуждении конкретных случаев ее фрагменты выступают на поверхность. Тем не менее, логику концепции онтологической неуверенности можно восстановить с большей или меньшей полнотой. Скорее всего, сам автор воспротивился бы такого рода обращению с текстом своей книги. Оправданием может быть то, что одним из аргументов отказа Р. Лэйнга от теории было стремление избежать «ужасного непонимания», повсюду сопровождающего шизоидов, «раскрытия частной формы человеческой трагедии» пациентов, чему в наибольшей мере соответствовал феноменологический метод. Мы считаем изложенную далее реконструкцию концепции онтологической неуверенности Р. Лэйнга необходимым этапом на пути к развитию общепсихологической концепции онтологической уверенности, разработку которой начали в ряде исследований [8].

Понятие онтологической неуверенности–уверенности

Определение, с которым используются понятия уверенность–неуверенность, указывает на то, что они соотносимы с конфигурацией бытия-в-мире. Этим они отличаются от известных в психологии понятий уверенность в себе, самоуважение, самооценка, тяготеющих к личностному подходу. Для Р. Лэйнга «человек» и «бытие» синонимы. Признавая реальность физического мира и других людей, он различает мир, каков он есть и

4 Это сравнение Р. Лэйнга имеет особый смысл: одна из специфических тревог, испытываемых онтологически неуверенной личностью, – страх деперсонализации (превращения в камень) другими людьми, чтобы избежать этого, шизоид сам пытается превратить их в камень, деперсонализировать, пользуясь, по его выражению, «интеллектуальной головой Медузы Горгоны».

5 Автор увлекался трудами Г. В. Ф. Гегеля, на которого неоднократно ссылается в книге.

мир, каким его видит Я [5, с. 158]. Последний он вслед за Гегелем понимает как единство данного и построенного, в котором «элементы мира, приобретают ту или иную иерархию значимости» [5, с. 204]. Эта иерархия и производные от нее статус элементов бытия-в-мире, характер связи между ними, нормативность границ, прочность–шаткость основания конструкции бытия-в-мире, гибкость–жесткость возводимой на нем надстройки, различие фантазии и реальности, определяют уязвимость–надежность структурирования существования в целом, и его переживание, которое может быть локализовано в любой точке континуума «онтологическая уверенность–неуверенность».

Автономия Я

В составе бытия Р. Лэйнг различает **центральный анклав – Я**, к которому в норме вместе с ментальным Я относится тело как ядро истинного Я [5, с. 60]. Надежная конструкция бытия предполагает **автономию Я**: самодостаточность, способность личности к самостоятельному отдельному от других существованию, выбор собственного пути.

«Стороны бытия личности за пределами анклава Я» обозначаются Р. Лэйнгом как Не-Я. В норме аспекты бытия за пределами Я входят в его состав, не являясь, однако его необходимой частью.

Отделенность Я и связанность Я и Другой

Безопасность бытия-в-мире предполагает **отделенность Я** от Не-Я, их различение, исключает путаницу на границе между ними. Одновременно она требует **связанности Я** и Не-Я. Онтологической уверенности соответствует переживание не только собственной автономии, но и связи с другими, ощущение «меня-и-тебя-вместе» [5, с. 155]. В этом заключается диалектика творческих отношений человека с другими людьми и миром. «Реальность мира и Я взаимно усиливаются благодаря непосредственным отношениям между Я и другим» [5, с. 80], которые удовлетворяет «общую потребность обладать собственным присутствием, одобренным или подтвержденным другим, потребность в признании собственной полной экзистенции; по сути, потребность быть любимым» [5, с. 125–126]. Я может быть реальным только в связи с реальными людьми и вещами [5, с. 189]. Творческие взаимоотношения служат взаимообогащению Я и Другого.

Воплощенность Я в теле

Основание надежного структурирования бытия, «твердую сердцевину онтологической уверенности» [5, с. 36] составляет так называемая «воплощенность» (ментального Я в теле). Большинство людей переживают себя воплощенными: идентифицируют себя с телом,

связывают с ним границы собственного существования во времени и пространстве.

Воплощенность имеет отношение как к переживанию человеком самого себя, так и переживанию своей связанности с миром. «Воплощенная личность ощущает, что состоит из плоти, крови и костей, что она биологически жизнеспособна и реальна: такой человек осознает себя *субстанциональным*. В такой же степени, в какой он основательно находится в своем теле, он *ощущает личную непрерывность во времени...* Таким образом, у индивидуума в качестве отправной точки есть переживание своего тела как основания, на котором он может быть личностью вместе с другими людьми» [5, с. 62].

Взгляд на мир через переживание себя

Переживания собственного воплощенного Я распространяются на других людей. Взгляд человека не только на человеческую природу, но и на мир в целом основан на переживании себя. «Человек может обладать чувством *своего присутствия в мире* в качестве *реальной, живой, цельной и во временном смысле непрерывной личности*. Как таковой он может жить в мире и встречаться с другими: *мир и другие переживаются как в равной мере реальные, живые, цельные и непрерывные*. Подобная, в своей основе онтологически уверенная личность будет встречать все жизненные опасности – социальные, этические, духовные и биологические – с твердым *ощущением реальности и индивидуальности самое себя и других людей*. Зачастую для такой личности с подобным чувством своей неотъемлемой самости и личностной тождественности, *неизменности вещей, надежности природных процессов, субстанциональности природных процессов, субстанциональности других* очень трудно перенестись в мир индивидуума, чьим переживаниям чрезвычайно недостает неоспоримой самообосновывающей определенности» [5, с. 33]. Мысль о единстве ментального Я и тела, причастности переживания собственного тела к переживанию тех или иных содержаний в качестве принадлежащих к эмпирическому Я ранее высказывал У. Джемс «Моя настоящая личность ощущается мною с оттенком родственности и теплоты. В этом случае есть тяжелая теплая масса моего тела, есть и *ядро* моей духовной личности – чувство внутренней активности. Без одновременного сознания этих двух объектов для нас невозможно реализовать настоящую личность. Всякий предмет, находящийся в отдалении, если он удовлетворяет этим условиям, будет сознаваться нами с таким же чувством теплоты и родственности» [9].

Место тела
в структуре бытия

Особое значение воплощенности для переживания онтологической уверенности связано с местом тела в структуре бытия: «Тело явно занимает двусмысленное переходное положение между *мной* и миром. С одной стороны, оно является сердцевиной и центром моего мира, а с другой – оно есть объект в мире других» [5, с 140].

Более полно прояснить роль воплощенности в «переживании человеком самого себя вместе с другими в его мире», собственной автономии и связанности с другими, в испытываемых им специфических тревогах, позволяют клинические случаи, представленные в книге Р. Лэйнга. Хотя исследователи уверяют, что истоки онтологической неуверенности установить трудно (А. М. Руткевич, Е. В. Косилова), их описание и отдельные замечания Р. Лэйнга, на наш взгляд, дают вполне внятный ответ на вопрос о ее происхождении. Клинические случаи, которые представлены в книге, мы делим на две категории: «простые», «неразвитые» формы онтологической неуверенности, невоплощенности, в которых характеризующие их феномены и поведенческие проявления обнаруживаются в зачаточном состоянии и «сложные», «развитые» (составляющие основное содержание книги), в которых они разворачиваются во всем богатстве и разнообразии.

Р. Лэйнг не исключает возможную причастность к формированию онтологической неуверенности генетического фактора (у некоторых детей отсутствует здоровое, энергичное выражение инстинкта, явно голодный ребенок не сосет энергично, не достигает насыщения). Таким образом, изначально онтологической неуверенности сопутствует невоплощенность, которая проявляется в том, что основополагающие оральные побуждения ребенка не находят выражения «через каналы телесной деятельности».

Формирование
онтологической
неуверенности
(уверенности)
в детстве

Автономия и связь
с близкими людьми

В дальнейшем она усугубляется отношением матери к ребенку. В норме «переживание человеком самого себя и другого в качестве личностей первично и самообновано» [5, с. 22]. Отношение взрослого к ребенку, как имеющему свою волю, поддерживает его автономное самобытие. При кормлении он «активно живет с другим», в результате «у обыкновенного ребенка развивается некоторое ощущение самого себя как бытия в своем праве», переживание «своего собственного пути и матери как прообраза другого» [5, с. 197–199]. Онтологически уверенный ребенок чувствует собственную *автономию* и одновременно *связь с близкими ему людьми*, поддержку с их стороны.

Со-бытие детско-взрослой общности

Почти в тех же выражениях описывают экзистенциальное рождение ребенка отечественные психологи, акцентируя роль детско-взрослой общности (со-бытия) в этом событии. «На первой ступени ребенок вместе с родным взрослым (родной матерью или человеком, выполняющим материнскую функцию) начинает строить общение, вначале не опосредствованное культурными орудиями, предметами, знаками. Эта уникальная в силу своей непосредственности общность, выстраиваемая в живой телесности партнеров общения, названа ступенью оживления не только в честь знаменитого «комплекса оживления» – главного эмоционального центра этой ступени. Эпохальным культурным событием этой ступени развития субъекта является то, что ребенок осваивает собственную телесную, психосоматическую индивидуальность, вписывая себя (руками взрослого) в пространственно-временную организацию общей жизни семьи. Кардинальное приобретение данной ступени это подлинный синтез человеческого тела, его «оживление» в сенсорных, двигательных, общительных, действенных измерениях» [10].

Отношение взрослого к ребенку

Действительно живой ребенок «требователен, вызывает хлопоты и никоим образом никогда не делает то, что ему велят» [5, с. 197]. Онтологически неуверенный ребенок представляет собой полную его противоположность, не проявляет собственной активности, не настаивает на своем, безропотен, является живым только физически, но не экзистенциально.

Матерям шизоидных пациентов первичное и самообоснованное переживание своих детей в качестве личностей вовсе не свойственно. Они пренебрегают постоянной неудовлетворенностью ребенка, обращаются с ним по своему усмотрению, как с куклой, по сути, отрицая, что он живой. По словам Р. Лэйнга, они принимают за предельную хорошесть, здоровье и нормальность то, что является выражением внутренней мертвенности ребенка, наслаждаются самыми мертвыми аспектами его поведения. Действия контроля над собственным телом, раннее развитие которых наблюдается у шизофреников, он считает поставленными матерью, сам ребенок в них отсутствует. Впоследствии таким же образом формируется остальное поведение. Одна из пациенток Р. Лэйнга в течение определенного промежутка времени, в возрасте около десяти лет каждое утро просила мать назначить ей все то, что она должна будет делать в течение дня.

Поведение ребенка и чужая воля

«Бытие телом», поведение ребенка, таким образом, являются выражением чужой воли. Проявление его собственного Я остается незамеченным: например, ужас, испытываемый ребенком, когда мать хотя бы на шаг отдалается. Отношения с ней имеют характер симбиоза, отчаянная привязанность к матери – привязанность куклы к своему кукловоду, без которого она действительно «не живет».

Простые формы онтологической неуверенности

Онтологическая неуверенность, невоплощенность не только ребенка, но и взрослого с **простой формой** онтологической неуверенности, которая мало чем отличается от детской, ввиду ничтожности собственного ментального Я не осознается, не имеет собственного языка, не «высказывает» себя.

Невротический симптом одной из таких пациенток заключался в паническом страхе перед выходом на людную улицу. Она так и не стала самостоятельной личностью, не научилась быть собой, ее поведение представляло собой нечто отдельное от ее собственного Я. Близкие люди (и даже предметы, напоминавшие о них) протivoестественным образом превращались в необходимую часть ее собственного бытия, определяя, что она должна делать. Отношений с людьми, основанных на взаимности, так и не сложилось. Пациентке в принципе было не важно, кто «снабжает» ее существованием: осознание автономного существования близких людей было таким же незначительным, как вера в собственную автономию. Смерть, отъезд близкого человека не вызывали почти никаких эмоций, если его заменял кто-то другой. Ее фобия представляла собой панику перед перспективой встречи с «ничто» собственного Я, в ситуации, когда окружающие чужие люди не побуждали ее к каким-либо действиям, не подтверждали ее существование в каком-либо качестве (дочери, жены и т.д.). Силу подобного переживания, испытываемого человеком в сходной ситуации, отмечал Э. Эриксон: «в социальных джунглях человеческого существования невозможно ощущать себя живым без чувства эго-идентичности. Лишение идентичности способно толкнуть на убийство» [11, с. 337].

Сложные формы онтологической неуверенности

Этот «простой» клинический случай, первый из представленных в книге, становится более понятным в сравнении со **сложными**, «развитыми» формами онтологической неуверенности, «невоплощенности» ментального Я в теле. Тело, в связи с его положением, о котором уже шла речь, представляет собой самый уязвимый момент в структуре бытия. Р. Лэйнг обращает

внимание на то, что телом ребенка управляют так, как больше никогда не будет в жизни. Чувствуя, что его телом «завладели» взрослые, ребенок прибегает к расщеплению как защитному способу организации бытия внутри себя. «Если все бытие индивидуума нельзя защитить, индивидуум оттягивает свои оборонительные линии до тех пор, пока не оказывается в главной цитадели. Он готов отдать все, чем он является, за исключением своего Я» [5, с. 74–75].

Ментальное Я получает значительное развитие, проявляясь вначале эпизодически, проблесками, которые уже предвещают всю его разрушительную неистовую силу. Она проявляется в дальнейшем в том, что само Я, поведение, общение становятся объектами рефлексии, наполняются смыслами, на которые простые клинические случаи только намекали, а также в том, что на основании осмысления экзистенциальная ситуация активно преобразуется.

Системы ложного Я

«Сдача», отчуждение тела, под которым подразумеваются опыт, действия, поступки, поведение в целом, с развитием ментального Я происходит в значительной мере произвольно, осознанно. Шизоид предпринимает специальные попытки, чтобы превратить себя в субъекта без какой-либо объективной экзистенции, переступить пределы этого мира, отделить внутреннее Я от воплощенного (в теле), доступного взорам и влиянию других. Самим индивидуумом они противопоставляются как истинное и ложное. Вырабатываются специальные защитные стратегии. Один из пациентов постоянно прибегал к тому, что называл «разобщением» (увеличение экзистенциальной дистанции между своим Я и миром) и «отцеплением» (разрыв отношений между своим истинным Я и отвергнутым ложным Я). Тело превращается в ядро *системы ложного Я* (личину, маску, фасад, персону), которая состоит из множества Я, вынужденных и обдуманно разработанных: «осколки других, по-видимому, внедряются в поведение индивидуума, как куски шрапнели – в тело [5, с. 108].

Расщепленность ментального Я и тела

Р. Лэйнг приводит формулы, характеризующие способ существования обычного человека (**Я /тело**) <...> **другой**, и шизоидного существования – **Я** <...> (**тело-другой**). Расщепленность ментального Я и тела – шаткое основание, которое шизоид пытается компенсировать жесткостью возводимой на нем надстройки – системы ложного Я. Онтологически уверенная личность, напротив, имеет возможность построить на

твердом фундаменте воплощенности более гибкое сооружение [5, с. 74].

Формирование ложного Я, однако, не решает проблему автономии (для чего оно предназначалось). Ощущение всемогущества, свободы от любых ограничений истинного ментального Я не является стабильным и периодически сменяется переживанием нарастающей внутренней пустоты, нереальности, превращения в «ничто». Это связано с тем, что «двери восприятия и (или) врата деяния» ему не принадлежат, оно отстранено от прямого взаимодействия с миром, не подтверждается, не обогащается им. Отрицание части собственного бытия, раскол Я с телом может быть продолжено расколом с миром, отрицанием прямой привязанности к вещам и людям, исключаящим возможность витального контакта, индивидуальной встречи. Далее расколы могут появляться в главной обороняемой цитадели – ментальном Я, множиться вплоть до наступления «хаотичного небытия» (термин, который Р. Лэйнг заимствует у поэта Вильяма Блейка) – шизофрении.

«...Трагический парадокс заключается в том, что чем сильнее защищается Я таким образом, тем сильнее оно разрушается. Явное конечное разрушение и исчезновение таких Я при шизофрении завершается не посредством внешних атак врага (настоящего или предполагаемого), не снаружи, а из-за опустошения, вызванного самими внутренними оборонительными маневрами [5, с. 75].

Развитые клинические случаи представляют весь спектр переживаний невоплощенной личности, которая ощущает себя несубстанциональной, нереальной, скорее неживой, чем живой, лишенной ценности, непрерывности во времени и местоположении в пространстве. Специфические тревоги онтологически неуверенной личности – тревоги уничтожения, которые метят в «болевы́е точки» этих переживаний.

Тревога поглощения. Быть любимым, понятым, даже просто увиденным другим человеком, ощутить единение с людьми, с природой, «слиться с ландшафтом» для неуверенной личности означает поглощение. Поглощено может быть только меньшее (большим). Отделение тела от Я, утрата контакта с миром означает сужение *диапазона и размеров бытия*. В сравнении с усеченным, невоплощенным ментальным Я онтологически неуверенной личности Не-я всегда «имеет больший масштаб», собственные претензии на право «занимать пространство» переживаются как несостоятельные.

Специфические
тревоги
онтологически
неуверенной
личности

Тревога
поглощения

Тревога
деперсонализации
и окаменения

Тревога деперсонализации и окаменения. Широко представленная в повседневном общении ситуация, в которой один человек является не более чем объектом в глазах другого, становится непереносимой, поскольку дистанция невоплощенной личности до окончательного превращения в «ничто», в вещь минимальна. Окаменение, деперсонализация более всего угрожают тому, кто сам не ощущает себя вполне живым, кому достаточно незначительного толчка извне, чтобы этот процесс завершился.

Тревога
разрывания

Тревога разрывания. Разорвано может быть нечто, не обладающее достаточной плотностью, субстанциональностью. Ощущение внутренней пустоты приводит к тому, что реальность воспринимается как грозящая в любой момент вторгнуться и уничтожить все вакуум, жуткое ничто, с которым отождествляется собственная индивидуальность.

Нехватка живости, внутреннего богатства, реальности, субстанциональности и т.д. в себе самом онтологически неуверенной личностью может, пока процесс еще не зашел далеко, противопоставляться «изобилию, ценности, теплоте и общению, которые она еще может считать где-то существующими (вера, которая зачастую вырастает до фантастически идеализированных пропорций» [5, с. 78]. В конечном счете, однако, она находит свое продолжение в переживании мира по аналогии с собой как нереального, ложного и бессмысленного.

Переживание мира
как угрозы

Богатство феноменологии и поведенческих проявлений в «сложных» клинических случаях, в значительной мере создается отчаянными усилиями пациента, направленными на то, чтобы справиться с ситуацией, в которой он лишен возможности «быть». Однако в итоге он приходит к тому же псевдо Я, развившемуся в целую систему ложного Я, на откуп которому отданы поведение и общение (оставшиеся псевдоповедением, не управляемым изнутри, и псевдообщением, симбиозом, лишенным взаимности). Псевдоавтономию, связанную с дефицитом авторства, сменяет псевдоавтономия, связанная с неполнотой авторства, ограниченной миром фантазий. Обе формы онтологической неуверенности объединяет и то, что индивидуум воспринимает обычные жизненные условия, контакты с людьми как угрожающие самому его существованию. «Мир – такой, какой он есть, другие люди – такие, какие они есть, представляют собой опасность» [10, с. 92].

Ненадежность
структурирования
бытия-в-мире

Нельзя не согласиться с Е. В. Косиловой в том, что «онтологическую неуверенность» Лэйнг описывает настолько психологически убедительно, что, прочитав “Разделенное Я”, хочется сказать: “Да это же точно про меня”, – почти любому, даже здоровому, человеку» [12, с. 133]. Это, однако, не отменяет общепсихологического исследования, определения и операционализации онтологической уверенности–неуверенности. В континууме «онтологическая неуверенность–уверенность» Р. Лэйнг в деталях представил переход от шизоидного способа бытия к шизофреническому, обозначив позитивный полюс лишь по мере необходимости.

Сердцевину онтологической неуверенности составляет невоплощенность ментального Я в теле, определяющая ненадежность структурирования бытия-в-мире в целом. Невоплощенность, ограничивающая авторство областью фантазий, несовместима с автономией Я, одновременно исключает витальные контакты с миром и людьми. Переживания онтологически неуверенной личностью самой себя (своей незначительности, несубстанциональности, нереальности, безжизненности, пустоты) – производные от невоплощенности и сопровождаются специфическими тревогами поглощения, окаменения деперсонализации, разрывания. Развитие онтологической неуверенности от ее простых форм к сложным предполагает проявление во всем разнообразии феноменологии невоплощенности.

1. Лэйнг Р. Д. Расколотовое «Я». – СПб., 1995; Лэйнг Р. Я и другие. – М., 2002; Лэйнг Р. Д. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. – Львов: Инициатива, 2005.

2. Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. – М., 1985.

3. Руткевич А. М. Экзистенциальный психоанализ в Англии // Психологический журнал. – 1985. – № 6. – С. 147–151.

4. Лейбин В. Постклассический психоанализ: Энциклопедия. – М., 2009; Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология. – М., 1998; Валентурова Н. Г., Маевейчев О. А. Современный человек в поисках смысла. – Екатеринбург, 2004; Фенько А. Власть нормы. Предисловие к книге // Лэйнг Р. Д. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. – Львов, 2005. – С. 8–19; Косилова Е. В. Культурологический анализ

научной парадигмы в психиатрии на примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга: Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2002.

5. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я». – СПб., 1995. – С. 35.

6. Фенько А. Власть нормы. Предисловие к книге // Лэйнг Р. Д. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. – Львов, 2005. – С. 15.

7. Фенько А. Власть нормы. Предисловие к книге // Лэйнг Р. Д. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. – Львов, 2005. – С. 16.

8. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность: теоретическая модель и диагностика: монография. – Пермь, 2009; Коптева Н. В. Онтологическая уверенность – неуверенность: общепсихологический аспект // Известия Уральского Государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 1(71). – С. 118–126.

9. Джемс У. Психология. – М., 1991. – С. 107.

10. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. – 1996. – №5. – С. 38–50. – С. 43.

11. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб., 1996. – С. 337.

12. Косилова Е. В. Культурологический анализ научной парадигмы в психиатрии на примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга: Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2002. – С. 133.
